

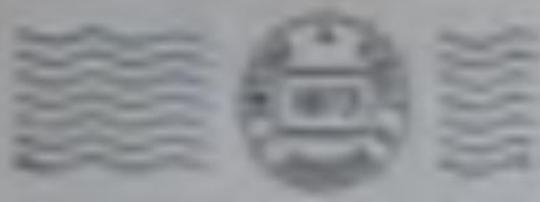
Писатель и время

Анатолий Приставкин

**ОТ БРАТСКА
ДО УСТЬ-ИЛИМА**

336
п.77

Ангелий Проктим

ОТ БРАТСКА
ДО УСТЬ-ИЛИМА

2010 г

издательство «Сибирская книга» Иркутск - 2010

Писатель Анатолий Приставкин — автор многих рассказов, повестей, романа «Голубка». Русской природе, истории родной Смоленщины и средней полосы России посвящены «Селигер Селигерович», «Птушенька» и другие повести, объединенные в однотомник «Лирическая книга».

В 1958 году, будучи студентом Литературного института, Анатолий Приставкин впервые попал на берега Ангары, на строительство Братской гидростанции. С тех пор тема гидростроителей и тема Ангары проходят через жизнь и через творчество писателя.

В своей новой работе «От Братска до Усть-Илима» автор рассказывает, а точнее сказывает, продолжает трудовую биографию Ангары — «реки электричества» и причастных к ее судьбе рабочих и инженеров.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

БОНДАРЕВ Ю. В., БЛИНОВ А. Д., БЕНЕНСОН А. Н., ВИКУЛОВ С. В., ДАВЫДОВ И. В., ИВАНОВ А. С., МЕДНИКОВ А. М., НЕФЕДОВ П. П., РАДОВ Г. Г., ЧИВИЛИХИН В. А., ШАПОШНИКОВА В. Д.

7-3-2
73 — инф.

© Издательство «Советская Россия», 1973 г.

Аэродром в Невоне все тот же — узкая земляная полоса вдоль берега реки. С одной стороны его ограничивает огромная серая гора Невоянская, с другой — залив, на изгибе Ангары, и сама деревня.

Дорога от деревни на Усть-Илим похожа на дороги Братска прежней поры. Частью она накатанная земляная, а частью покрыта гравием, пыль над ней клубится не оседая, из-за большого количества машин.

Ехать до поселка километров шесть. Но это все условно. И поселок и само строительство начинаются практически от Невона. Вдоль дороги слева, у берега, тянутся всякие строения и большой бетонный завод, возвышающийся над Ангарой как крепостная башня.

А дальше, мимо индивидуальных домиков с огородаами и времянок, дорога поворачивает круто вправо, на взгорок, к Черной речке и экспедиции Медведева. Тут, собственно, и начинается улица Усть-Илма, которая называется Братской.

Отчего Братская, понятно. Это первая улица, которую здесь построили. А построили ее братчане. Да и по старому русскому обычаю центральную улицу, ведущую в соседний дружеский город, называли его именем. Помните, в военной песенке, исполняемой Утесовым, на этом построен весь скюжет: «...город весь прошли, а на последней улице название прочли, а название простое, право слово, боевое: Брянская улица по городу идет, значит, нам туда дорога...» и т. д.

Названия Брянская и Братская — скожи по звучанию, так что легко было бы пересочинить песню, начав ее,

скажем, в Иркутске и кончив в Усть-Илиме... Прозвучала бы в этой песне вся великая строительная эпопея на Ангаре, начатая в пятидесятые годы и продолжающаяся до сих пор.

В Братске я побывал только пролетом, потому что торопился увидеть Усть-Илим, где была в разгаре строительная пора. Но я встретился с некоторыми братчанами и с Леонидом Даниленко, корреспондентом «Восточно-Сибирской правды». Работает он здесь года с пятьдесят девятого, и ему во многом я обязан тем, что смог понять в ту пору и увидеть в Братске. Он сказал, что «кончилось золотое время Братска и наступило золотое время Усть-Илима... Его медовый месяц, так сказать. А тут? Тут все тропинки протоптаны, и большинство из них ведет в прошлое, в наши воспоминания. Да ты это и сам заметил».

Нет, не о текущих планах, не о развороте работ, которых еще хватало и в Братске, упоминал Даниленко. Насколько я понял, он говорил о некоем духовном подъеме, который переживал Усть-Илим.

Братск семидесятых годов умпротворился, успокоился, стал вполне благополучным и процветающим городом, подобно многим другим городам. Он устоялся, принял свой образ жизни. Об этом ли жалеть! Но ведь был еще Братск иной поры, город неустроенный, неухоженный, но и неугомонный, известный своим дерзким молодежным духом, своей открытостью, или даже первооткрывательством. Таким он памятен многим старым братчанам.

Усть-Илим вовсе не повторял Братска и не был похож на него. Но теперь он, больше он, а не Братск, занимал место в жизни и мыслях нового поколения молодых ребят и девушек. Они в свой черед приехали строить станцию на Ангаре. И для них, для этих новых, подросших ребят Усть-Илим оказался таким же открытием, таким же от-

кровением, каким для многих из нас был Братск. И с этим трудно спорить.

Но прежде чем продолжать разговор об этом, сегодняшнем Усть-Илиме, я хотел бы напомнить о первой моей встрече с ним, произшедшей в начале шестидесятого года.

Вот как писали тогда «Известия»: «От Братска до створа будущей Усть-Илимской ГЭС по прямой приблизительно 250 километров. Кругом дремучая тайга, непроходимые топи. Лишь немногим людям довелось побывать в этих местах. В предновогодние дни пятеро работников строительства Братской ГЭС во главе с инженером Баженовым впервые пробились сквозь заснеженную тайгу к Толстому мысу на Ангаре, где будет сооружаться Усть-Илимская гидростанция. Нелегок был поход. Только небольшую часть пути ехали на автомашине, затем пришлось встать на широкие лыжи, подбитые мехом. Рубили просеки в лесной чащве, терпеливо переносили морозы и выюги. Ночевали под открытым небом, согревались у костров. На преодоление двухсот километров таежного бездорожья потребовалось 15 дней. Группе тов. Баженова удалось наметить трассу автодороги и линии связи, которые будут проложены к площадке строительства Усть-Илимской ГЭС...»

Далее в статье говорилось, что среди строителей Братска наблюдается большой интерес к новой стройке. Комплексная экспедиция московского Гидропроекта ведет здесь, в районе деревни Невон, изыскательские работы. К ним, через ледяные торосы по замерзшей Ангаре, пробиваются колонны машин, нагруженных буровыми установками и грузами для изыскателей. Статья была датирована тридцатым января шестидесятого года. А в марте с одной такой колонной приехал на Усть-Илим и я.

Добирались мы два дня и встали в деревне Карапчан-

ка, где жил в то время Алексей Иванович Голубков, руководивший изыскательской партией. Он и Анна Васильевна, работавшая геологом, были родителями моей жены. Я остановился у них на квартре, в крошечном домишке, глядевшем окнами на белую Ангару. Алексей Иванович шутил, что подготавливает для родственников новую работу. Братск он пам с сорок девятого года готовил. А теперь вот Усть-Илим...

— Да, Валя рвется сюда,— отвечал я.— Все братчане настроены на Усть-Илим.

— Валя пускай семью паладят,— сказал Голубков.— А то будете голодранцами, как мы, с места на место на чемоданах «верхом» ездить...

— Будем,— ответил я.— Яблоко от яблони недалеко падает.

— Они будут,— подтвердила Анна Васильевна.— А может, так и надо.

Карапчанка — деревня в двадцать домов, и все тут рядом: смешанный магазин, контора, клуб. Голубков провел меня в контору и, грех руки у теплой печки, стал рассказывать о делах экспедиции. Положение было такое. Ангара исследовалась выше и ниже притока Иlimа, всего предполагалось разведать семь створов, для будущей проектируемой станции. Из тех, что выше Иlimа, благоприятные условия для строительства ГЭС были в районе створа Шаманский порог, или Шаманский бык. Дно реки здесь, как и берега, состоит из мощных диабазов, а ширина реки около пятисот метров, что напоминает Падунское сужение, где строилась Братская ГЭС.

Ниже Иlimа исследования проведены в Бадарминском сужении, а также на участке Невон, на Тонком и Толстом мысах. И везде, кроме Толстого мыса, инженерно-геологическое строение дна и бортов весьма сложное и для плотины неблагоприятное. А вот Толстый мыс...

Здесь вскрыты очень крепкие породы диабаза, имеющего мощную структуру, более ста метров! Мыс Толстый, как и Шаманский бык, похож по своему геологическому строению на створ в районе Братска, и все подходит здесь, чтобы строить бетонную плотину.

Я так и передаю, как рассказывал Голубков, не желая нарушить сухой и деловой его информации, которая и сама по себе весьма красноречива. Не словами, но делом, добытыми здесь фактами.

Алексей Иванович предложил съездить, посмотреть на этот самый Толстый мыс. Поехали с нами еще люди, представитель московского Гидропроекта Молоков и Болотина из Братской экспедиции. Они прибыли сюда, чтобы на месте разобраться в делах и решить назревшие проблемы до государственной комиссии, которая ожидалась в июле.

По неровному льду, среди торосов мы доехали до застеженных Лосят, за ними открылся слева огромный Толстый мыс. Напротив, прямо посреди реки стояла буровая установка, ходили люди. Мы осмотрели мыс и буревую, в ящиках на льду лежали керны, гладкие кругляши породы, взятые с глубины ста метров, сплошь крепчайший диабаз.

— Толстый мыс оправдал себя,— так было сказано.— Конечно, Шамалка серьезно конкурирует с ним. Но там станция будет поменьше, хотя имеются и свои плюсы. Легче тянуть дорогу к Братску, а значит, дешевле будет стоить строительство. К тому же не затопляется плодородная долина на Илим... И все-таки Толстый мыс хорош...

Голубков назвал цифры. Подпор воды здесь составит девяносто метров (у Шамалки только шестьдесят), длина водохранилища протянется по Ангаре на триста километров, а по Илму — на двести пятьдесят. Мощность станции здесь будет около четырех миллионов киловатт.

Приехавшие стояли около буровой и чертили на снегу схему плотины. Вот как я записал тогда: «Живут где-то люди, взрослые или школьники, и не ведают, что их жизнь, их работа, счастье или несчастье, чертятся сейчас на снегу. Они ничего не слышали и не знают об Усть-Илимске, о Толстом мысе, о геологе Голубкове. Многие смутно представляют себе Сибирь и не знают, как выглядит река Ангара. Но существует уже план новостройки, и существуют пока сами по себе эти люди, каждый в отдельности, а потом все это соединится и станет Усть-Илимской ГЭС.

Кто-то подобает класс написать коллективное письмо, кто-то сагиттирует жену поехать на годик. Кто-то бросит училище, или институт, или попытает счастье на исходе жизни. Иной захочет подзашибить деньги, или попробовать свои силы, или посмотреть белый свет... Все это нахлынет, будто бы случайно, но вовсе не случайно, закипит, сталкиваясь и переплетаясь, как Ангара по весне, принимая разные, трудно определимые на глаз формы нового, которых никто заранее не сможет предвидеть. Сойдет, как полая мутная вода, все иносное и случайное, и возникнет коллектив, как и сама по себе стройка, со своими домами, машинами, котлованами, всем, что на ней и должно быть».

В 1961 году в апреле в Москву направили материалы по законченным изысканиям к проектному заданию на строительство Усть-Илимской ГЭС.

Недавно исполнилось десять лет, как в Невоне приземлился самолет с братчанами. Они поселились в домике охотника Скворцова под Толстым мысом.

5 декабря 1962 года семь человек, их теперь называют «первоздесантники», во главе с Иннокентием Перетолчи-

ным подняли над Толстым мысом красный флаг. Это событие можно считать рождением рабочего коллектива.

10 декабря 1962 года заложена первая палатка.

1963 год. В начале апреля пришел санко-тракторный поезд с бригадиром Михаилом Кулаченко. Кулаченко возглавил монтажные работы на Усть-Илиме.

К первому мая здесь уже насчитывается 20 палаток (на триста человек), столовая, временный клуб, пилорама, дизельная, магазин-ларек, кузница, временная гостиница.

Я нашел прорабку недалеко от котлована, прямо над Аягарой. На обшитой тесом будке на красной дощечке значилось: «Комсомольско-молодежная бригада им. XXIV партсъезда».

Гладкий большой стол, лавки вдоль стены. По чистому скребленному добела полу разбрзгана вода для прохлады. На скамеечках отдыхают рабочие. Но бригадира я как-то сразу выделил, хоть не скажу, что он особенно и выделялся. Моложавый, в берете, глубокие светлые глаза и неожиданно громкий голос.

— Михаил Мелентьевич? Барановский?

— Это я,— отвечал он, вставая. И стал объяснять, что собрался сейчас на рыбалку, потому что работал несколько суток, и у него отгул. Но поговорить согласился... — Что вас интересует? — Громко так спросил. И рабочие все повернулись, стали слушать. А один из них, черноволосый, смуглый, похожий на цыгана, вставил свое слово:

— Им, наверное, сводка работ нужна? — Он сидел, вытянув перед собой ноги, отдыхал. — Али обязательства? — добавил он не сразу.

— Нет, нет,— сказал я.— Меня все интересует. Про ваши дела, про жизнь...

— Про жизнь всю не расскажешь, — сказал Барановский и засмеялся. — На это весь мой отгул уйдет.

— Не всю. Вот о том, как начинали здесь. Вы ведь из Усть-Илимска с самого-самого?

— Ладно, — сразу решил бригадир. — Об этом расскажу.

Он уперся локтями в стол, посмотрел в окошко. А окошко выходило прямо на воду, даже берега не было видать. Прорабка, будто «Ласточкино гнездо», стояла на скале, нависая над рекой. И видно было внизу синюю воду с белыми разводами, и больше ничего. Только воду с бурунами.

— С пятьдесят девятого года я работал в Мамакане, — начал Барановский, поворачиваясь ко мне. — С марта месяца. Это было еще до армии. Ну, станция там по нашим масштабам маленькая строилась. Восемьдесят тысяч киловатт, это энергия для «Лензолота», для слюды... Сейчас там поселок вырос, благодать, а тогда первая очередь котлована да палатки. В палатке я и жил. И здесь с приезда тоже в палатке. В Мамакане женился, дочь родилась. В честь реки Лены мы ее Леной назвали. В Усть-Илимске еще дочка — Люба. Потому что любим мы Ангару.

— В каком году вы сюда приехали? — спросил я у Барановского.

Он сказал:

— В шестьдесят третьем. С Воробьева добирался пять суток. Из-за непогоды сидел в аэропорту. Жену и дочку я на старом месте оставил, устроился в палатке, вызвал пх. Было это восемнадцатого ноября. Палатка на шесть семей, у многих дети. Хотели, правда, меня направить в Эдучанку, дорогу строить, но я не дал своего согласия. Считал, что передовой край тут, где строится ГЭС. Но ГЭС еще не было, пошел сварщиком в монтажную брига-

ду. А вскоре приехал мой товарищ, купил себе времянику, метров двадцать квадратных, перетащил меня к себе. Так и переименовали мы. Потом мы свою времяничку сложили, четыре года в ней прожили. Ну, а потом в КИД, так у нас крупнопанельные дома называют. Мы здесь твердо осели, до начала Богучан.

— А будут Богучаны? — спросил я.

— Как же не быть, когда люди ждут, — произнес он просто. — У нас квартира в четыре комнаты, чего, кажется, желать. Но если будут новую станцию на Ангаре строить, мы поедем. Наша судьба — это стройка.

Сказал и задумался. Почему-то без связи с этими словами заговорил о том, что Любке исполнилось четыре года, а у старшей дочки, у Лены, был порок сердца, и ей ленинградский профессор Кутышев Михаил Михайлович делал операцию.

— Ну, что я тут строил? — спросил он вдруг меня. — Все артерии жизни для начинающегося Усть-Ильма. Все умел, как профессор Михаил Михайлович, мой теака. Воду вел, когда вода была нужна. Электричество, воздух, пар... Компрессорные делали, насосные, артезианский колодец, потом пекарню. Наш хлеб той поры был прекрасный, вам любой человек скажет. Сперва мы в палатке булочки делали, а потом построили пекарню на две печи... Был клуб-палатка. Кто мерзнет, тот и топит. А можно и на печке, как на стуле, сидеть. И столовая была. Заведовала ею Галина Павловна Боровская. Мы ее звали просто Галля-Паля. Отзывчивый человек! Готовила она вкусней, чем любой ресторан. Она собирала по окрестным селам продукты, да все сама и сама. Мы шли к ней в столовую, как в свою горницу, так и говорили: «Пойдем к Гале-Пале». Ее все шоферы любили, звали, хоть ночью разбуди после рейса, она согреет ужин, накормит. Вот какой она человек.

Я подтвердил Бараповскому, что слышал о Галине Павловне, ее все усть-илимчане знают.

— Как же, родной человек. Она и сейчас руководит столовой, вы к ней сходите. Ну, а мы, чтобы дать энергию поселку и первому земснаряду, монтировали дизельную установку. Кстати, эти дизели провел санным поездом из Братска бригадир Кулаченко. Небось слыхали такого?

— Слыхал, один из наших братчап,— сказал я.

— Вот это он. Есть книжка про Братск. «Полюс мужества» называется. Он там на титульном листе сфотографирован вместе с бригадой. Потом он был делегатом двадцать второго съезда партии. После окончания Братска уехал строить станцию на Зею и там умер от рака желудка. Сколько ему было лет? Да около сорока... Не больше. А тогда сварили они мощные сапы из железа, пять тонн они весили, говорят. Теплушки поставили, дизеля и две недели шли по тайге, свет нам тащили, образно говоря. Кстати, эти дизели и Братску еще давали свет в первую его пору, в пятьдесят пятом году. И первому Усть-Ильму они свет давали, а потом лично я их демонтировал. Но мы их бережем, даже палаточкой накрыли, чтобы не портились. Авось и для Богучан пригодятся.

Тут я сказал Бараповскому, что видел здесь и другую братскую технику, экскаватор семьдесят пятый, например. Приятно было его встретить, как хорошего знакомого все равно.

— Они — наши приятели,— подтвердил он.— Приятели-работяги. Мы их бережем, храним, не списываем.

— Кто с вами здесь еще работал, в первые годы Усть-Ильма?

— В первые... Николай Туровский работал, он потом погиб, попал под грейдер. Юра Половников работал, Михаил Соловьев — сейчас он бригадир сантехников на поселке Северном.

— Я знаю Половникова,— сказал я.— Он работал у Гайнулина, потом на скальном участке, где руководила моя жена.

— Это в Братске? — спросил Бараповский.— А здесь Половников с шестьдесят третьего года, жил с нами в палатке. Он сперва плотником был, потом в санмонтаже, и его забрали в Эдучанку мастером карьерного хозяйства. Но он рвался на основные сооружения и сейчас где-то тут... В котловане.

— Надо бы разыскать,— сказал я.

Кстати, я разыскал Юру Половникова, был у него дома в гостях, и мы с ним долго сидели, вспоминали Братск. Смысл таких встреч — сходишься, как со своей родней все равно. По Братску, или по Иркутску, или по Мамакану... У этих людей, таких, как Бараповский, как Половников, как многие гидростроители, есть своя родословная рек и гидростанций, и у меня теперь тоже родословная есть. И через пять минут после встречи мы уже горячо говорим, перебивая друг друга, потому что интересно узнавать, кто, где и с кем работал, куда уехал и как далее сложилась его судьба. То ли женился, и дети появились, и все прочее, в том же духе.

В такой беседе не звучат служебные слова, а происходит разговор долгий, как у земляков в родной деревне, где все друг друга знают, и всякий другому, хоть дальняя, но обязательно родня. И можно, не торопясь, по кругу всех вспомнить и обсудить. Но и те, кто пропал из виду, тоже найдутся. Объявятся, вынырнут на каком-нибудь крупном строительстве, потому что в стране все большие стройки на виду, а они-то и определяют движения многих судеб. И эти встречи, и эти расставания.

Теперь и Бараповский не торопился на свою рыбалку, а сидел будто за праздничным столом, так легко и хорошо нам вспоминалось. Рассказал он еще, как посыпали их